

Оуян Цзиньсинь простоял в растерянности добрую половину дня, не веря собственным ушам:

— Почему?

— Без почему, — холодно ответил Се Линъи, после чего встал на каменных ступенях, ожидая, пока Оуян Цзиньсинь поднимется за ним.

Разве это ответ? Чем больше Оуян Цзиньсинь думал об этом, тем сильнее злился!

— И вовсе я не собираюсь идти с тобой! — Оуян Цзиньсинь гневно зыркнул на него, перешагнул через борт лодки и, не оглядываясь, зашагал в сторону торговых рядов.

Се Линъи ничуть не сердился и не пытался оправдываться — он просто следовал по пятам за Оуян Цзиньсином.

— Глава, это они... о чём? — растерянно спросил Тянь Фэн, глядя на Сюэ Уиня.

— Ладно, мы тоже поднимемся и передохнем, — Сюэ Уинь сохранял невозмутимость, молча наблюдая за обоими.

И вот Оуян Цзиньсинь быстрыми шагами шел впереди, за ним следовал Се Линъи, а позади шли Сюэ Уинь и Тянь Фэн. Вся процессия двигалась по причалу Миньчжоу, застроенному высокими, прижатыми друг к другу домами.

Эге-гей! Горячие, только из печки свиные паровые булочки!

Соевое молоко! Густое желтое соевое молоко! Всего одна монета за пиалу!

Жители Миньчжоу, как и обитатели Императорской Столицы, любили всевозможные лакомства. На шумных центральных улицах то тут, то там толпились торговцы нехитрой едой, особенно оживленно здесь было этим залитым утренним солнцем часом.

Оуян Цзиньсинь бродил туда-сюда по этой пропитанной ароматами улице, чувствуя, как у него от голода сводит живот, но так и не решился что-нибудь купить.

Дело было вовсе не в том, что он выглядел неряшливо — он умылся и привел себя в порядок еще у каменного колодца, — просто у него не было при себе ни гроша.

Стоя перед старинной таверной с вывеской, на которой красовались сусальные золотые иероглифы, Оуян Цзиньсинь в очередной раз вежливо отказался от зазываний мальчишки-слуги, а затем, словно приняв твердое решение, направился к простому навесу.

Овощные булочки, жареные палочки из теста и густая каша были самой обычной крестьянской едой, но Оуян Цзиньсинь никогда прежде их не пробовал.

— Послушайте... — Оуян Цзиньсинь облизал пересохшие губы и тихо обратился к девушке с чуть смуглой кожей и очень живыми глазами: — Я...

— Чего изволите? Говорите быстрее. — Заваленная работой по горло, девушка закончила складывать грязную посуду и лишь тогда нетерпеливо подняла голову. Взглянув на него, она невольно замерла от изумления.

— Мне бы соевого молока, палочек из теста и еще... — Оуян Цзиньсинь указал на испускающие пар бамбуковые пароварки, но, заметив, что девушка во все глаза пялится на него, осторожно переспросил: — Скажите, мне нельзя заказать булочки?

— Н-нет, конечно можно, молодой господин, присаживайтесь, пожалуйста! — неожиданно смутилась девушка.

Под навесом стояло всего четыре квадратных столика, и все они были заняты посетителями. Увидев, что свободных мест нет, Оуян Цзиньсинь уже хотел остаться стоять в ожидании, но девушка свирепо прогнала крепкого мужика, похожего на ее давнего знакомого, и насильно освободила место для Оуян Цзиньсиня.

— Ничего страшного? — Не только девушка, казалось, все вокруг уставились на него, отчего Оуян Цзиньсинь чувствовал себя крайне неловком, ведь ему впервые доводилось трапезничать под открытым навесом.

— Все в порядке, он уже давно все съел! Что еще желает молодой господин? — с улыбкой спросила девушка.

— Больше ничего, девушка, э-э... — Бедняга Оуян Цзиньсинь покраснел до самых ушей от охватившего его смущения. Находясь в Императорской Столице, он и помыслить не мог, что окажется в столь неловком положении. — Скажите... могу ли я записать еду в долг? Не беспокойтесь, я непременно попрошу домашних всё оплатить.

— Хорошо! — с легкостью согласилась девушка.

— Спасибо... — Оуян Цзиньсинь только расплылся в благодарной улыбке, как вдруг ее прервала подошедшая компания.

— Что такое? Уж на паровые-то булочки денег не хватает, еще и в долг просишь! — Прибывший был облачен в яркие роскошные одежды, с высоко завязанным на голове гребнем-гуанем. Лицо его лоснилось от сытости, а на толстой талие висел крупный нефритовый талисман в чистом золоте — блестящий и броский, он словно кричал о нуворишском богатстве своего хозяина.

— А ну пошли вон! Не видите, что господин Линь пожаловал?! — Подручные этого человека принялись нагло злоупотреблять чужим авторитетом, грубо расталкивая всех посетителей вокруг Оуян Цзиньсиня, а затем принялись услужливо, словно продажные шавки, устраивать своего господина за столом.

Брови Оуян Цзиньсиня сошлись на переносице. И этот грубый мужчина с отвратительными манерами, и громилы, занявшие остальные три столика, вызывали у него лишь омерзение.

— Господин Линь угощает тебя утиными язычками, нужно лишь провести со мной одну ночку, ха-ха-ха, — вовсю развязно хохотал этот мужчина, явно не замечая чужого отвращения.

— Господин Линь, этот молодой господин — приезжий, прошу вас... — умиротворяюще пролепетала девушка.

— Тьфу! Паршивая девчонка, да с каких это пор дела господина Линя стали тебя касаться?! — рявкнул здоровяк ростом в семь чи, вскакивая из-за соседнего столика.

— Скотина! Я еще рот не открыл, а ты куда лезешь?! — Мужчина по прозвищу господин Линь наконец заметил исполненный гнева взгляд Оуян Цзиньсиня и поспешно прикрикнул на своего подручного.

— Молодой господин... — Девушка очень переживала за этого красивого юношу, но была совершенно бессильна перед лицом столь грозной силы — ведь тот мужчина являлся известным на весь Миньчжоу хулиганом, а его отец был здешним богатейшим человеком!

— Девушка, соевое молоко уже закипело, — не обращая ни малейшего внимания на господина Линя и крутившихся рядом кровожадных головорезов, мягко произнес Оуян Цзиньсинь.

— Ах, да! — Девушка обернулась и увидела, что котелок с соевым молоком на печи действительно вовсю бурлит, и поспешила снять его.

— Будьте добры, налейте мне пиалу, — Оуян Цзиньсинь слегка улыбнулся девушке, и эта улыбка не только принесла ей великое утешение и придала смелости, но и заставила всю шайку господина Линя замереть в оцепенении.

— Прошу вас, молодой господин. — Перед Оуян Цзиньсинем опустилась дымящаяся пиала соевого молока, а также заказанные им овощные булочки с мясом и жареные палочки.

— Как такая грубая пища может лезть в твое горло? — похотливо ухмыльнулся господин Линь. Поднимающийся от соевого молока горячий пар заставил прежде сухие губы Оуян Цзиньсиня порозоветь.

Оуян Цзиньсинь опустил голову, собираясь сделать глоток, но вдруг замер и с презрением

бросил:

— У меня действительно кусок в горло не лезет — стоит лишь взглянуть на твою жабую физиономию... Впрочем, сравнивать тебя с жабой — это оскорбление для самой жабы.

— Ах ты... Не хочешь по-хорошему, так получишь по-плохому! — Ожидавший услышать совсем другое, господин Линь задохнулся от ярости, его оплывшее жиром лицо задержалось в судорогах. Его подручные тут же вскочили на ноги, угрожающе окружив Оуян Цзиньсиня со всех сторон.

Многие прохожие остановились поглазеть на зрелище и принялись оживленно пересуживаться, но никто не решался вмешаться.

— Фас! Задайте ему! — проревел господин Линь со звериным оскалом, и с десятков головорезов единым порывом бросились на Оуян Цзиньсиня, словно голодные волки.

Грохот, напоминающий взрыв чего-то мощного, раскатился над ухом Оуян Цзиньсиня, а следом во все стороны полетели щепки — разбушевавшихся хулиганов отбросило назад мощной и острой волной ци меча. С грохотом и звоном опрокинулся котелок с соевым молоком, мука и угольная пыль смешались в сплошную грязь, а бандиты принялись оглашать улицу жалобными воплями.

— Мм? — Оуян Цзиньсинь пристально посмотрел на двухфутовый разрез в глинистой земле, а повернув голову, увидел Се Линъи, который с абсолютно невозмутимым видом возвращал меч в ножны.

— Ого... Какая мощь! — по толпе зевак прокатилась волна испуганных вздохов. Всего лишь легкий взмах клинка — а породил ци меча, звучащую подобно раскату грома!

Судя по пологому следу на земле и точке приложения силы, ци меча с абсолютной точностью обошла стороной молодого человека, которого пытались притеснить.

— О-о великий герой! — Господин Линь оказался придавлен к угольной пыли собственными бесчувственными подручными, а лицо его почернело от сажи. Он попытался оттолкнуть вассала и подняться, но, столкнувшись взглядом с леденящим до мурашек взглядом Се Линъи, у него внезапно подкосились ноги, и он рухнул на колени.

— Проваливай, — холодно процедил Се Линъи.

— Д-да! — господин Линь, забыв про потерявших сознание подельников, вскочил и пустился наутек, катясь и спотыкаясь.

— А ну стоять! — Внезапно очнувшийся от оцепенения Оуян Цзиньсинь гневно окликнул

беглеца. Широким шагом переступив через разлившееся по земле соевое молоко и растоптанные прохожими лепешки и булочки, он преградил дорогу господину Линю.

— В-великий господин... — дрожа всем телом, залепетал тот. — Я слепцом оказался, не признал вас, обидел...

— Меньше болтовни! Деньги на бочку! — С сердцем, обливающимся кровью при мысли о том, как бесславно растоптали его аппетитные булочки, Оуян Цзиньсинь испытывал к обидчику жгучую жалость и злость одновременно.

— Д-даю, даю! — господин Линь обеими руками преподнес ему свой шелковый кошель.

Осмотрев кошель, Оуян Цзиньсинь обнаружил там лишь два серебряных слитка и несколько крупных банкнот. Он забрал один слиток, а остальное швырнул обратно господину Линю.

— Катись отсюда! Если еще хоть раз увижу, что ты кого-то обижаешь, клянусь, превращу твою рожу в мясную лепешку! — свирепо пригрозил Оуян Цзиньсинь, с силой сжав толстую и короткую шею мужчины.

— Ж-уть какая, неужто это и впрямь Цзиньсинь? — изумленно протянул наблюдавший за происходящим со стороны Тянь Фэн. — Просто глазам своим не верю.

— Цзиньсинь с самого утра хлопотал, да только еда прямо из-под носа уплыла, неудивительно, что он так разъярился, — с легкой улыбкой произнес Сюэ Уинь.

Господин Линь уже не смел оставаться ни мгновения дольше — панически расталкивая давящихся от смеха зевак, он позорно сбежал.

— Вот напасть, что ни человек, то наглец бесстыдный. — Оуян Цзиньсинь вспомнил Ли Жую, недоумевая, в чем же дело — почему раньше, в Императорской Столице, никто и никогда не смел обращаться с ним как с девицей легкого поведения.

— Девушка, прошу прощения, что разрушил твою торговлю, этот слиток — компенсация за ущерб, — подойдя к застывшей у печи девушке, Оуян Цзиньсинь вложил серебряный слиток ей в руку.

— А... — растерянно кивнула девушка, пребывая в полном тумане. Все ее мысли были прикованы к Се Линъи: его гордая осанка и ледяной, словно морозный кусок хрусталя, нрав заставляли ее сердце трепетать.

Однако мгновением позже она заметила, что этот безупречно красивый и холодный взгляд прикован исключительно к стоящему перед ней благовидному юноше, и в нем не было ни капли тепла для кого-либо другого.

— Тогда я позволю себе откланяться, — вежливо попрощался Оуян Цзиньсинь.

— Иви, пойдем. Скоро появятся стражники, и бесконечные расспросы доставят нам немало хлопот, — шагнул вперед Сюэ Уинь. Им было нельзя привлекать к себе подозрения стражи государства Цзин.

Оуян Цзиньсинь тоже посмотрел на Се Линьи — с самого момента выхода на причал тот неотступно следовал за ним по пятам.

— Чего тебе в конце концов надо?! — не выдержав, в упор спросил Оуян Цзиньсинь.

Находиться под чьим-то пристальным вниманием, особенно когда этим наблюдателем был обладавший столь грозным нравом Се Линьи, — Оуян Цзиньсинь чувствовал себя не в своей тарелке, и именно это являлось главной причиной его крайнего раздражения.

Се Линьи молчал. Его черные, как омут, глаза безмолвно смотрели на крайне вспыльчивого Оуян Цзиньсиня.

— Невыносимо! — Молчание Се Линьи лишь сильнее распалило Оуян Цзиньсиня, и он резко развернулся, собираясь уйти.

— Ай! — Стоило ему сделать лишь шаг, как в затылке резко кольнуло!

— Постой, — раздался голос Се Линьи. Игнорируя изумленный взгляд Сюэ Уиня, тот ухватил Оуян Цзиньсиня за длинные волосы, рывком останавливая его.

— Больно же! — взвизгнул Оуян Цзиньсинь от боли. — А ну отпусти!

— Я угощаю тебя обедом, — Се Линьи не разжал пальцев, продолжая крепко держать волосы Оуян Цзиньсиня, аккуратно стянутые шелковой лентой.

— А? — Обед? Да еще и за чужой счет? Оуян Цзиньсинь невольно перестал сопротивляться.

— Идем, — отпустив его, бросил Се Линьи. — В таверну «Ваньюэ» у каменного моста впереди.

— Цзиньсинь, говорят, «Ваньюэ» — это лучшая таверна в Миньчжоу, — вставил слово Сюэ Уинь.

Оуян Цзиньсинь потер онемевшую кожу головы: хоть он и подозревал неладное в столь внезапном великодушии Се Линьи, но его тело, ослабшее от голода, уже послушно зашагало вслед за ним.

<http://bllate.org/book/21151/2144318>